

писатели на карантине

13 вопросов к Ахматовой
Живые смыслы в стихах поэта
отыскала Юлия Рутберг

АННУ Ахматову, предсказавшую самые тяжелые события XX века, называли Кассандрой и провидицей — эти эпитеты скорее напоминают посмертные ярлыки, больше подходящие памятнику, а не человеку. Живые смыслы в стихах под музыку Шостаковича, Баха и Рахманинова отыщет актриса Юлия Рутберг, задав 13 вопросов к Ахматовой и развенчав 10 мифов о великом поэте. Главная сцена, 7 июня, 14.00

Где есть скотина — нет карантина

Современные писатели считают: самоизоляция — привычное состояние пишущего человека

диалоги с Павлом Басинским

Павел Басинский

В условиях вынужденной самоизоляции мне показалось интересным разослать своим коллегам по перу анкету. Ответы на нее публиковались в «Российской газете». Среди прочих там был и такой вопрос: «Влияет ли на ваше творчество вынужденная самоизоляция? Ведь самая продуктивная творческая пора Пушкина «Болдинская осень» 1830 года припала на «холерный карантин». А что у вас?» Вот как отвечали на него современные писатели.

Евгений Водолазкин, прозаик, драматург (Санкт-Петербург):

— Если разобраться, то несколько последних десятилетий я живу в режиме самоизоляции. Круг общения — это, по преимуществу, мои домашние. Разумеется, мне приходится появляться на публике и много ездить. Но это — особого рода общение, которое, так сказать, принадлежит к профессии, поскольку писатель, по крайней мере у нас, — это общественная фигура. На мой взгляд, удаленка и самоизоляция (как полюбил я эти слова!) — это оптимальный вариант для писателя, и чем концентрированнее у него и то, и другое, тем лучше для его творчества. По крайней мере, так это видится мне.

Гузель Яхина, прозаик, сценарист (Москва):

— Добровольная самоизоляция — часть жизни любого пишущего человека. Нахожусь в ней даже с удовольствием: отменились многие поездки, в том числе и не самые нужные; а все неотъемлемое перекочевало в онлайн и сэкономило много времени. По большому счету в моей жизни мало что изменилось. А вот в жизни моих близких — очень многое.

Павел Крусанов, прозаик, издатель (Санкт-Петербург):

— Наверное, всякому работающему писателю (слово трудно дается — проблемы самоидентификации) с осознанной эгоистичностью следовало бы поблагодарить обстоятельства за предоставленную возможность вынужденно предаться своему труду. Пусть даже эти обстоятельства печальны или трагичны. Лучше даже, прости Господи, если печальны или трагичны. А то ведь автор — такая бестия, что рад любому поводу отвлечься от работы. Немного жаль, что сам я в это время остался без озаряющего бессмысленность будней творческого замысла (прошу прощения

Не назову
самоизоляцию
вынужденной:
это то, о чем
мечтает любой
сочинитель

за ироничный пафос, не претендующий на кощунство, и за пафос как таковой, претендующий на высокий идиотизм). Поэтому принудительное затворничество в данный момент лично мне доставляет известные неудобства — хочется общения, наполнения новыми впечатлениями и смыслами, хочется смены декораций. А вместо этого — до боли родные лица, телевизионная картинка бесконечного кошмара, интернет и горячая «болталка» у уха. Разум осознает необходимость ограничений, а темперамент бунтует. Отчасти смирение помогает календарное совпадение режима разобщенности с Великим постом.

Ольга Славникова, прозаик (Москва):

— Да, но Пушкин все-таки не сидел безвылазно в комнатах. И его не затапливал негативом интернет. Продуктивность у меня снизилась, тут надо признаться честно. Но я вывела правило: писателю все мешает — и все помогает. Опыт этих месяцев обязательно станет книгой. И все, в том числе счет шагов от одного предмета мебели до

другого, и вечерние миражи из-за духоты, — все пойдет в прозу.

Роман Сенчин, прозаик:

— Да, казалось бы, подобные ситуации должны вдохновлять. Но я, да и многие мои товарищи по цеху, насколько могу судить, не пишем запоем. Писать о коронавирусе как-то не очень порядочно, что ли (хотя я по предложению одного портала написал небольшой рассказ об актере, который вынужден сидеть дома, так как театр закрыт), а другое сейчас кажется не очень-то и важным... У Пушкина в Болдинскую осень много сошлось — в городах он вообще писал мало, в основном, как бы мы сейчас сказали, тусовался, а тут оказался один, с женой и детьми вначале была полная неопределенность, а потом она написала, что выйдет за него замуж; в Болдине были всего три книги, письма приходили нерегулярно, пить и играть в карты было не с кем... Так что оставалось писать. У нас же есть интернет, который практически все заменяет. Правда, замечаю, что соцсети некоторым уже осточертели, и они покидают «Фейсбуки» и прочее. Быть может, месяце на третьем карантина у кого-то действительно начнется Болдинская осень.

Алексей Варламов, прозаик, ректор Литературного института им. А.М. Горького (Москва):

— Ну, Пушкин — это Пушкин. Он умел любые препятствия обращать себе на пользу. В конце концов, ссылка в Михайловском тоже была сродни самоизоляции, только гораздо более длительная и в

чем-то более досадная. Одно дело, когда всех заперли, другое — тебя одного, да еще неизвестно на какой срок. Но все равно это ведь было очень плодотворное для него время. Один «Борис Годунов» чего стоит. Мы все как-то прицепились к «Болдинской осени», а на самом деле у него любая пора была прекрасной. А про себя не знаю, это со стороны видней.

Михаил Тарковский, прозаик, краевед (Красноярск):

— Я не назову эту самоизоляцию вынужденной: это, наоборот, то, о чем мечтает любой сочинитель. Когда время для работы над книгами, которое в обычной ситуации ты должен отвоевывать у жизни, — теперь тебе принадлежит по праву. Другое дело — общая картина беды такова, что личный покой никак не может быть ее оправданием. И еще момент: выполнение общественных обязанностей приняло другую форму — все теперь требуют видеозаписи писателей — чтение отрывков и т. д. Так что если хочешь совсем изолироваться — в тайгу, в избушку. А вообще самоизоляция — это привычное состояние пишущего человека.

Захар Прилепин, прозаик, политик:

— Я не соблюдаю самоизоляцию в Москве, потому что так или иначе продолжаю работать на всех своих работах — партия «За Правду», которую я возглавляю, действует, что называется, в штатном режиме — в пятидесяти городах уже открыты штабы наших волонтеров, у партийного актива постоянные совещания и летучки; МХАТ, где я тружусь хударком, закрыт, как и

С 1 июня открылись книжные магазины. Но карантинное ограничение никто не отменял.

все театры, но работает в онлайн-режиме, и я хожу туда на работу — на съемки; соответственно работает и сайт «Свободная пресса», который я возглавляю, хоть основной коллектив на удаленке, но руководство встречается; что там еще... Я постоянный гость всех ток-шоу: «Вечер с Владимиром Соловьевым», «60 минут», «Время покажет» — то есть раз в неделю-полторы стараюсь появляться на каждой из программ и делиться своими представлениями о происходящем. Поэтому: какая уж самоизоляция? Мне кажется, я стал даже больше общаться с людьми. Что до моей деревни, где я живу с семьей, — то у нас тут жителей человек шесть, и нам изолироваться нет особых причин. Для деревенского жителя это вот «Сидите дома» — полный абсурд. У меня тут рядом есть две деревни — в одну я езжу за продуктами, в другую мои дети ездят, чтобы учиться в онлайн-школе (там, где мы живем — нет интернета). Так вот, я хочу сказать, что в деревнях никто дома не сидит. Потому что скотина, знаете, дома не живет. Где есть скотина — там нет карантина. Мы — моя семья — живем тут с детьми, с собаками, с прочей животиной — поэтому очень много времени провожу на улице — на изоляцию это совсем не похоже. В Пасхальную ночь всей семьей были в ближайшем храме, нас пустили, мы отстояли службу. В общем, все как обычно. Просто в силу того, что у меня отменились все гастроли по России, чуть больше стало времени для писательской работы. Это меня радует, конечно. Кое-что успел сделать.